

K8
M15

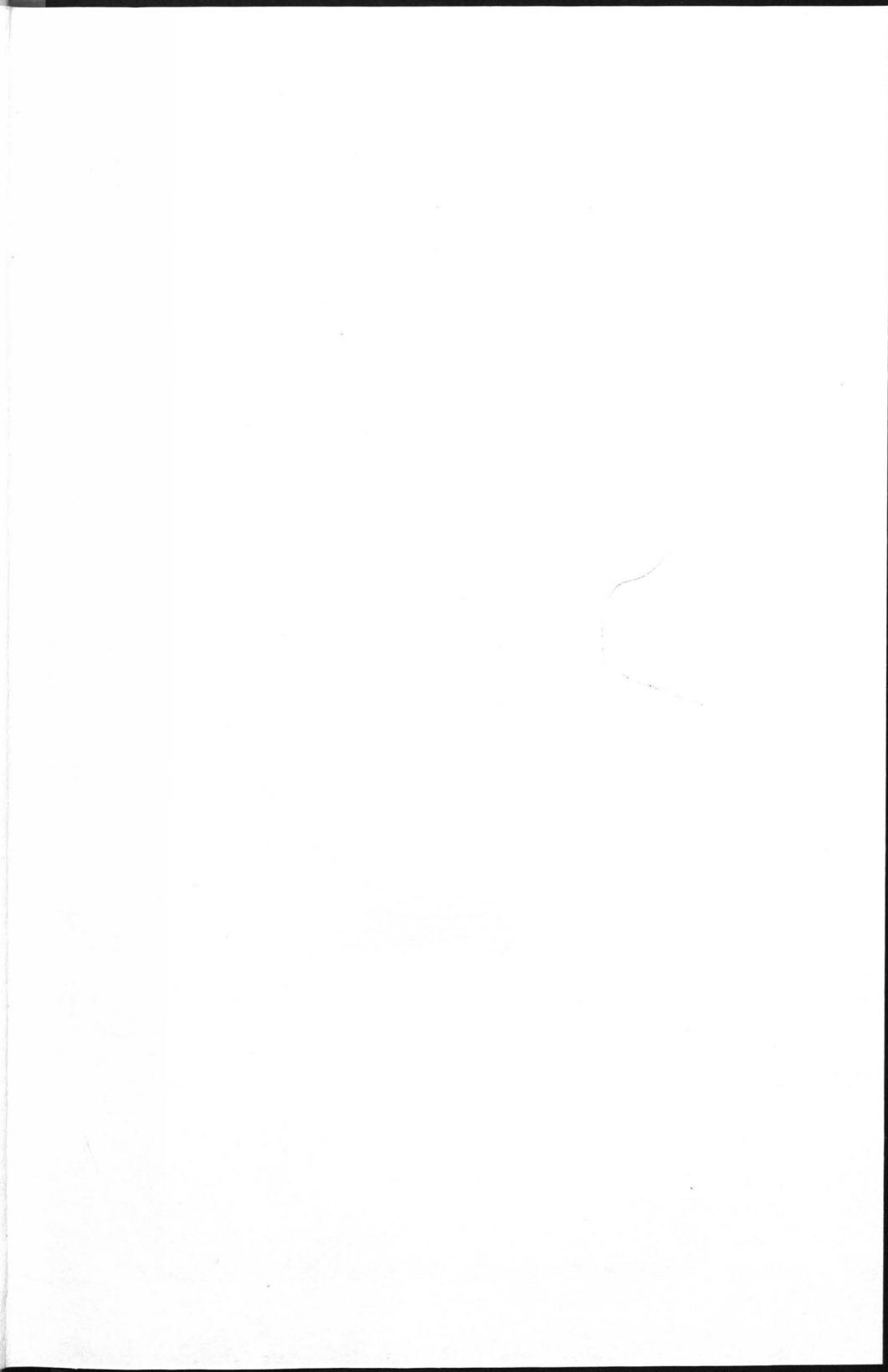
Борис Макаров

Золотые
Зимородки

с. 780519

Борис Макаров

*ЗОЛОТЫЕ
Зимородки*

2020

К 84 + 84 (2=411.2) 6

М 15

ББК 84(2=411.2)6

УДК 821.161.1

М 15

М 15 Макаров Борис Константинович

Золотые зимородки: новеллы, рассказы, повесть, стихотворения / Б.К. Макаров. – Чита: Читинская городская типография, 2020. – 584 с.

«Золотые зимородки» – новеллы, рассказы, повесть и стихотворения о взаимоотношениях человека и природы, о тех неразрывных узах, которые связывают нас с окружающим миром, об ответственности за него. Любовь к природе – это и любовь к Родине, убеждён автор и убеждает в этом читателей своей книги.

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Забайкальского края и спонсоров – Даши Бальжановича Намдакова, Бато Баировича и Туяны Самбоевны Жалсабон.

ББК 84(2=411.2)6

УДК 821.161.1

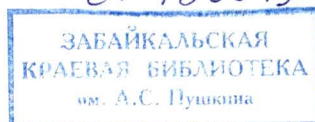
ISBN 978-5-906307-43-9

© Макаров Б.К., 2020 г.

© ООО «Читинская городская типография», 2020 г.

с. 780519

Золотые Зимородки

ПРИРОДЕ

*Ты, о Природа, богиня всемать, всеумелица – мать!
Всех укрощая, сама никому не подвластна, ты – кормчий!
Ты – устроитель богов, всему ты конец бесконечный,
Самоотец, не имущий отца, ты быстра и отрадна.
В дивном цветении всё ты сплетёшь искусно, с любовью,
Ты на земле, под землёй, в небесах и на море владычишь.
О вседаритель заботливый, о всецарица, всемудрость,
Всё ты растишь, ты всё утучняешь и в срок разрешаешь,
Мать и отец ты всему, всему ты кормилица, нянька,
Ты во всём, и всё сотворила на свете одна ты.*

Из древнегреческого гимна Природе.

Пролог

Радуги моего детства

Было мне лет пять или шесть. Семья наша жила на большой железнодорожной станции. Помню грохот поездов, блеск огней и какую-то тесноту от домов, машин, штабелей чёрных шпал, множество вечно спешащих людей. Всё это помнится неярко – смешанно, калейдоскопично.

Вот один день из общей череды – вспышкой, голубым всплеском, солнечным кругом...

Несколько соседских мальчишек постарше меня собрались в дальний поход, километров за пять на степное озеро. После долгих упрашиваний мальчишки, наверное, тайком от моих родителей, взяли с собой меня. И вот я, обитатель шумного, закопчённого станционного посёлка, впервые в жизни оказался в мире огромных степных трав и цветов, в мире незадымленного солнца, в мире стрекоз, бабочек, кузнечиков, птиц – в мире тысяч мелодий и, как ни странно – гулкой тишины.

Я ошалел. Вереща от счастья, от радости, я нырял в изумрудные заросли травы, подбегал к каждому цветку, замирал от восторга, глядя вслед вспорхнувшим птицам.

Но самое большое чудо ожидало меня на озере. Прodelав лёгкий путь, мальчишки в один миг стащили с себя рубашонки, майки, трусы и ринулись в тёплую, голубую воду. Я же, впервые увидев так много воды, чуточку испугался и растерялся, и на какое-то мгновение остался на берегу один. Но вот ошеломление прошло. Я тоже сбросил одежонку и забрёл в воду.

Борис Макаров

И тут, стоя в воде, я вдруг, опять же впервые в жизни, увидел возле своих колен несколько маленьких рыбок. Я присел и, сложив ладони ковшиком, зачерпнул воду с... рыбкой. Да, да – в хрустальной линзочке воды в моих ладонях по-прежнему доверчиво и спокойно плавала крошечная радужная рыбка. Она действительно была радужной – серебряные бока, огненный хвостик, матово-жёлтые плавнички, изумрудная спинка...

Я любовался рыбкой, наверное, с минуту. Вода вытекла из ладоней, рыбка испуганно, отчаянно забилась, и я опустил её в воду.

...Прошли годы – много-много годов и даже десятилетий. Я видел много-много озёр, рек, морей и много-много рыб – акул, осетров, горбуш, тайменей, ленков, рыб очень больших и очень маленьких. Чешуя у одних из них сверкала золотом, у других – светилась тусклым благородным серебром. Я исходил много дорог и бездорожий, видел травы альпийских лугов и папоротниковые заросли дальневосточной тайги. Я видел тысячи разных птиц и цветов. Некоторые птицы походили на цветы, а некоторые цветы походили на птиц.

Но никогда и нигде я не видел травы изумрудней, чем в степи нашей железнодорожной станции. Никогда и нигде не видел я озёра чище, светлее, теплее того маленького степного озера. Никогда и нигде не видел рыб красивее, радужнее той маленькой, доверчивой рыбёшки, что плавала в моих ладонях...

Золотые зимородки

...Было мне лет семь или восемь. Подарили мне первую в жизни книжку. По слогам прочитал: «Ар-ка-дий Гай-дар. «Дальние страны». А потом так же с расстановками: «Зимою очень скучно. Разъезд маленький. Кругом лес. Заметёт зимою, завалит снегом – и высунуться некуда. Одно только развлечение – с горы кататься. Но опять, не весь же день с горы кататься? Ну прокатился раз, ну прокатился другой, ну двадцать раз прокатился, а потом всё-таки надоест, да и устанешь. Кабы они, санки, и на гору сами вкатывались. А то с горы катятся, а на гору – никак...». И через несколько дней непрерывного чтения уже без расстановок – последние строки книги: «Когда они возвращались домой, то ещё издалека услышали музыку и дружные хоровые песни. Праздник был в самом разгаре. С обычным рёвом и грохотом из-за поворота вылетел скорый. Он промчался мимо, в далёкую советскую Сибирь. И ребяташки приветливо замахали ему руками и крикнули «счастливого пути» его незнакомым пассажирам».

...Прошли годы – много-много годов и даже десятилетий.

Я прочитал много-много книг. Разных. Толстых и тонких. Умных и не очень. Интересных и скучных. Но когда даже сегодня, будучи пожилым, седым, очкастым человеком, к тому же написавшим несколько не очень умных и не очень глупых книг, открываю повесть «Дальние страны», и наверное, в сотый раз читаю-перечитываю строки: «Зимою очень скучно. Разъезд маленький. Кругом лес. Заметёт зимою, завалит снегом – и высунуться некуда. Одно только развлечение – с горы кататься...» – я улетаю, уплываю, ухожу на этот маленький разъезд, окружённый тёмной стеной леса. Вместе с Петькой да Васькой мчусь с горы на самодельных санках и вижу, как на крутых поворотах из-под полозьев брызжут фонтанчики иглисто-го снега, и в глубине этих фонтанчиков, пронизанных солнцем, на мгновение, на тысячную долю секунды вспыхивает радуга. Одна из самых весёлых, самых красивых, самых памятных радуг моего детства...

Золотые зимородки

Таловые кусты стояли стеной. Я знал, за ними – речка. А вот как пролез сквозь эту чащобу, до сих пор не знаю сам. Речка была узенькой, но глубокой. Течение медленным, но мощным.

Перевёл дыхание. Начал разматывать удочку.

В воде дробилось солнце. Над водой плыла тёплая, густая тишина.

Место для ужения оказалось неудобным, и я, осторожно наклонившись над обрывистым берегом, попытался разглядеть какой-нибудь прогал вверх или вниз по течению. Посмотрел влево – не видно. Посмотрел вправо – и обомлел. На тонкой сухой ветке, нависшей над водой, сидели два золотых зимородка. Да, именно золотых. Их крылышки, грудки были не голубыми, как у обычных зимородков, а глянцевито-жёлтыми и сияли в лучах солнца.

Секунда, другая, и чудо-птицы, будто почувствовав мой взгляд, вспорхнули, мелькнули солнечными зайчиками на фоне серых таловых кустов и скрылись за поворотом речки.

Странно, однако, о встрече с золотыми зимородками я не рассказал даже маме. Почему? Не знаю. Может быть, потому что не поверил тогда до конца самому себе.

Недавно в одной из книг прочитал: «В Забайкалье бытует легенда, что там, в глухих таёжных местах водятся золотые зимородки. Увидевший их будет счастливым человеком...»

Я видел золотых зимородков.

За многие годы, прошедшие со времени той встречи, в моей жизни случалось всякое – терял родных, друзей, мёрз, голодал, болел, терпел неудачи... Всё, как у всех... Всё, как у всех...

Счастливым ли я человек?

Да, счастливый!

Золотые зимородки

Я прожил много лет и много видел. Видел лежбища моржей. Видел фонтаны синих китов. Видел, как зреют на лозе виноградные кисти. Видел, как дымятся вулканы. Видел, как цветут орхидеи, видел и вижу лица своих детей и внуков...

До 93 лет жила моя мама...

И ещё я видел золотых зимородков...

Борис Макаров

Весенние мелодии

Весенний день. Тепло. Тихо. С южной стороны дома, на солнцепёке, под крышей – ледяной ксилофон – два десятка тонких, длинных хрустально-прозрачных сосуллек.

Крыша шиферная. В желобах шифера снег. Он тает. Нитевидные струйки воды стекают на сосульки, а с них на землю. Удивительно, но у каждой струйки талой воды свой голосок. У одной басовитый. У другой тоньше синичьего. У одной с хрипотцой. У другой солнечно-чистый.

На земле у голубых линзочек вчерашней капли – воробьи. Грязные, взъерошенные, но бесконечно счастливые. Они лихо взбираются на линзочки, подставляют головы и спины под струйки воды и не чирикают – взвизгивают, вопят, как мальчишки, сразу после ледохода открывающие сезон купания.

Чуть в стороне от хулиганистых, легкомысленных воробьёв, на куче накопившегося за зиму мусора, серьёзный и важный петух. Хвост у петуха – зарево. Гребень – рубин. Воротник – бирюза.

Поверженные во прах красотой своего повелителя, у ног петуха, у подножья мусорной кучи – серыми и белыми комочками лежат куры. Куры – ни звука. Петух же нечасто, как и положено солидному певцу, но зато с полной отдачей поёт. И тогда все вокруг восторженно и почтительно умолкает. Минуту, другую не слышно ни воплей воробьёв, ни разнозвучного звона талой воды...

И этот короткий миг теплой солнечной тишины – тоже прекрасная, жизнеутверждающая, радующая сердце мелодия весны.

Жаворонок

Стою на краю чёрного, опалённого огнём луга. Весенний пал до корней выгрыз прошлогоднюю стерню, обуглил кустарники, убил, разогнал всё живое. И всё же, пусть это звучит кошунственно, я радуюсь. Над мёртвым лугом, над мёртвыми, изуродованными кустами тальника, черёмух, яблонь звенит, переливается, как мне кажется, радостная, ликующая трель жаворонка.

– Значит, не всё потеряно. Значит, жизнь возвращается – думаю я и радуюсь, пожалуй, скорее не этому возвращению жизни, а тому, как хитроумно мне удаётся успокоить и утешить себя.

– Жизнь возвращается!

– Жизнь возвращается!

– Жизнь возвращается!

Глаза, устремлённые в голубую бездну весеннего неба, уже не видят почерневшей от мук земли, черных скелетов истерзанных, обсосанных огнём деревьев.

Сердце бьётся всё спокойнее, ровнее:

– Жизнь возвращается!

И вдруг из глубины памяти горячими угольями строки стихотворения-шедевра белгородского пастуха, прекрасного русского поэта Владимира Михалёва, которое так и называется «Жаворонок»:

*Гнездо вверх дном,
Птенцы запаханы!...
Вспорхнул и канул в небосвод.
Надрывно охает и ахает,
А люди думают –
Поёт!*

И снова – и больно, и стыдно, и черно, как на лугу, на душе. Люди, люди, зачем и за что вы так – огненным смерчем по земле, по травам, по деревьям, по птичьим гнёздам, по Проматери своей, по живому телу её...

Охает и ахает в бездонном, выплакавшем свои слёзы небе жаворонок, а мы-то думаем – поёт!..

Лебеди

Солнце почти закатилось за сопки, лишь несколько самых упрямых лучей ещё прорывались сквозь сосны на их вершинах и цеплялись за кромки туч. От их прикосновения тучи вспыхивали, переливались всеми цветами радуги. Широкою долину начала заливать вечерняя синева. И, как это иногда бывает в такое время, вдруг каждый, даже самый далёкий предмет стал видеться более чётче и казаться ближе, чем днём.

Вся середина озера, на берегу которого мы остановились на ночлег, ещё была покрыта льдом, окольцованным тёмной полосой воды растаявших заберегов. В отличие от рек озёра освобождаются ото льда спокойно – без ломки и скрежета. Наступление таяния идёт от берегов к центру, и редко можно увидеть на освобождённой воде отдельную, оторвавшуюся или отколовшуюся от общего массива льдину.

Вот почему, вдруг увидев у противоположного берега сразу семь льдин, я удивился:

– Посмотри-ка, Егорыч, льдин-то сколько!

– Да не лёд это, – спокойно ответил старый егерь. – Лебеди. Со вчерашнего дня здесь отдыхают. Путь дальний, притомились. С юга на север летят, а это многие тысячи вёрст. Восемь их там у Соснового мыса.

– Семь.

– Восемь – утром пересчитывал.

– Семь.

– Не спорь, восемь. Они всегда парами держатся. Вон бинокль в рюкзаке.

Я достал бинокль и ещё раз тщательно пересчитал птиц.

– Семь.

– Как семь? – заволновался старик. – Дай бинокль.

Несколько минут он смотрел в бинокль, беззвучно шевелил губами и наконец удручённо вздохнул:

Золотые зимородки

– Семь. Факт – семь. А где же восьмой, ведь они всегда парами?

Спать Егорыч не ложился. Его спальный мешок так и остался не распакованным. Старик сидел у костра, смотрел в темноту и будто в забытьи повторял:

– Как же так... Семь... Восемь... Они же парами...

Я проснулся перед восходом солнца от радостного крика егеря:

– Восемь! Восемь! Вставай, смотри! Восемь!

Взяв бинокль, я тщательно пересчитал лебедей:

– Действительно, восемь!

Успокоившийся Егорыч подбросил в костёр сучьев:

– Чайник навесь, да заварочки побольше сыпани. Ночью что-то не спалось, дел впереди много.

– За лебеда переживал...

– Ну вот ещё! Чего за него переживать. Где-нибудь на соседнем озере шастал. Птица она и есть птица – ума ни на грош. Ну-ка пересчитай сколько их там.

– Восемь.

Старый егерь улыбнулся:

– Поддай-ка бинокль, я ещё сам посмотрю, посчитаю. Ведь это же лебеди...

Звень-голубень

Тропа окончилась. Мы с другом слезли с велосипедов и, раздвигая кусты ивняка, стали с трудом пробираться подальше.

– Говорил тебе, надо по правой тропинке ехать, нет, запрямылся – так ближе будет. Вот и пыхти теперь. А мы бы сейчас уже по паре карасей поймали, – ворчал друг.

Но вот заросли ивняка остались позади и мы ахнули – перед нами высился небольшой, крутобокий холм, снизу доверху покрытый необычайно крупными пронзительно-голубыми ургуйками. От обилия цветов холм походил на голубой колокол. Над цветами гудели пчёлы, но нам показалось, что это гудит-звенит сам чудо-колокол.

– Ух-ты, какая звень-голубень, – прервал восхищённое молчание друг, и, будто извиняясь, добавил: – Знал бы, что такое увижу, вообще бы пешком пришёл. Ну спасибо тебе за такой сюрприз. Настоящий подарок. Чего же ты раньше молчал? Спасибо. Таких подарков мне никто не дарил.

Сказать, что я и сам впервые увидел этот голубой холм-колокол, эту звень-голубень, я почему-то не смог – то ли мне было приятно выступать в роли щедрого дарителя, то ли побоялся испортить радость друга.

С тех пор каждой весной мы ездим на наше любимое озеро по той резко обрывающейся тропе и, упрямо пробиваясь-прорываясь сквозь заросли ивняка, выходим к холму, снизу доверху покрытому ургуйками, к холму, который мы так и назвали – Звень-голубень.

Видел ли его кто-нибудь, кроме нас, я не знаю, но думаю – увидят. Ведь там, где мы с другом пробиваемся сквозь ивняковые дебри, уже наметилась-пролегла узенькая тропинка...

Горихвостки

Когда-то, наверное, лет десять назад, привезли нам дрова. Начал я колоть чурки и обнаружил одну с дуплом – готовый скворечник.

Прибил эту чурку под крышу летней кухни и стал ждать, кто поселится в неказистом домике – воробьи, синицы, трясогузки? Скворцов в нашей местности нет.

Поселились горихвостки – маленькие птички с ярко-оранжевыми, действительно «горящими» хвостиками.

На зиму горихвостки улетают куда-то в тёплые края. Улетают стайкой – вырастают птенцы.

В начале лета чурка – дуплянка вновь заселяется парой хлопотливых, звонкоголосых птиц. Родители это или дети – не знаю. Взрослых горихвосток друг от друга отличить не могу. Главное – гнездовье не пустует.

А нынешней весной я надумал приручить к своему двору-огороду и других горихвосток. Польза от них огромная. С огородными вредителями так расправляются – никаких ядохимикатов не надо. Да и вообще, по моему мнению, пришла пора птицам жильё обновить.

Сделал из старых досок два домика и прибил их высоко под крышей. Окрестные коты посмотрели – с инфарктом слегли, – не достать, не добрать.

– Добро пожаловать, птицы!

Настал день, опять зацвиркали во дворе две горихвостки. Жду, наблюдаю. Новые домики красивы, удобны, безопасны.

Мечутся мои горихвостки от растрескавшейся чурки-дуплянки к домикам и обратно. Взволнованы. Озабочены. Какие-то пёрышки, ворсинки туда-сюда переносят. И всё: – «Цвир-цвир». То ли советуются, то ли ссорятся.

Но прошёл день, другой, вижу – из дырки чурки-дуплянки серенькая головка выглядывает. Всё – села птичка на яйца. Выбрали горихвостки на лето – старое жильё. На новое, комфортабельное не позарились.

Отчий дом, он и есть отчий дом...

Цветик-семицветик

Иду вдоль безымянной протоки. Место тихое, укромное. Протока глубокая, коряжистая. На выходах из омутов – стрелы камыша, бородатые, травянистые кочки. Такие протоки любит рыба.

Иду пять, десять, пятнадцать минут, а сидку выбрать не могу. Вдоль воды – заросли ивняка, черемухи, яблонь, шиповника. Несколько попыток забросить удочку заканчиваются неудачей. Леска цепляется за ветки, а если поплавок и ложится на воду, то не туда, куда надо.

Но вот, наконец, и прогал. Берег высокий, сухой. Лучшего местечка не найти. Сбрасываю рюкзак, с облегчением выдыхаю, делаю шаг-другой вперед и останавливаюсь.

В самом центре прогала – крошечной полянки меж кустами – горит-полыхает алый костерок чудо-саранки. На семи боковых стебельках, идущих в стороны от главного, центрального стебля, – семь кудрявых семилепестковых цветов. Они нежны и беззащитны. Чуть тронь, и чуда не будет, цветик-семицветик погаснет навсегда.

За время ходьбы я видел десятки саранок, красивых, но обыкновенных. Цветик-семицветик, мне кажется, вижу впервые.

Надеваю рюкзак и иду дальше. Хороший прогальчик, удобное местечко, да занято. Занято чудо-цветком. А чудо должно жить. Затронь его, и оно исчезнет. Исчезнет навсегда.

Зеленое солнце

Мы проснулись от утреннего холода. Костер давно догорел, и кострище подернулось серым каракулем остывшего пепла. Снизу от озера к нашему табору подползло облачко зябкого тумана, лизнуло лица, руки и разбудило нас.

Вставать не хотелось. Прогревшийся за вчерашний жаркий, солнечный день склон сопки, на котором мы затаборились, еще хранил тепло, и земля отдавала его нашим бокам и спинам.

– Братцы, красотища-то какая, гляньте! – вздохнул-выдохнул один из нашей рыбацкой тройки, Валька Никитин. Мы приподнялись, сели и стали смотреть вниз в долину.

В разрывах легкого тумана матово светилась поверхность озера. На ее фоне как-то особенно четко вырисовывались белые стволы берез. В колеблющихся, быстро исчезающих ленточках тумана они казались живыми, движущимися.

– Березы танцуют.

– А может, это русалки?

За озером, насколько хватал взгляд, простирались незабудковые луга. Их голубое марево казалось бездонным. А розоватые облака, подсвеченные лучами восходящего солнца, подчёркивали и оттеняли эту голубизну.

– Ну что ж, вон и солнышко встает. Пора к удочкам, итак зорьку проспали, – вскочил маленький, пружинистый Генка Батурин. – Мы че сюда рыбу ловить или цветочки нюхать приехали? Подъем! – и тут же осекся: – Ну-у-у-у, робя-а-а...

Облака на горизонте вдруг погасли. Незабудковые луга потемнели, и над долиной медленно, торжественно поднялось... зеленое солнце. Да-да, зеленое солнце.

Все замерло. Затихли щебет птиц и только что начавшееся стрекотание кузнечиков. Нырнул в траву и затаился первый легкий порыв утреннего ветерка.

Борис Макаров

Это продолжалось несколько секунд, а потом солнце, будто выскользнув из зеленой оболочки, запылало, заиграло золотыми лучами и вновь оживило мир.

– Ты видел? – обратился ко мне Валька. – Ведь, правда же, было зеленое солнце?

– Видел.

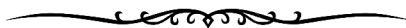
– И я видел. Зеленое... – Генка нахлобучил сползшую на затылок кепку. – Вы только не говорите никому – не поверят, просят... Пусть это будет нашей тайной.

... С Валькой, вернее, Валентином Ивановичем, и Генкой, точнее, Геннадием Алексеевичем, мы встречаемся редко, раз в несколько лет. И каждая наша встреча уже по традиции начинается со слов: «Ты видел зеленое солнце? Не говори никому – это наша общая тайна».

... Хорошо встречаться со старыми друзьями, друзьями детства. Хорошо иметь общую тайну, красивую тайну о зеленом солнце.

И не надо, даже будучи взрослыми, задавать вопрос: почему и отчего иногда солнце бывает зеленым?

Хорошо жить в мире, имеющим тайны.

Золотые зимородки

Такое навсегда в памяти остаётся...

Отзвенело птичьими голосами, отпыхало цветами лето. Крепкий мороз сковал землю, ледяной броней стянул, накрыл реки и озера. До будущего тепла далеко. Но тепло минувшее – в памяти. И особенно у тех, кто много часов и дней провел наедине с природой, – у рыбаководов-любителей. Это тепло, воспоминания о нем еще долго будут согревать сердца и души. И как приятно морозным зимним вечером услышать от друзей-рыболовов вот такие незамысловатые истории, очевидцами и участниками которых пришлось им побывать минувшим летом.

Плавающая ворона

...Было это в июле. Солнце стояло в зените. Сидел я на берегу озера. Клева не было. От нечего делать обратил внимание на стайку ворон, которая кружилась недалеко от меня. Галдят, толкуются над водой. Что, думаю, там они увидели? Встал, вижу – на поверхности озера белеет снулая рыбешка. Понятно. Поживиться хотят, а воды боятся, ведь вороны плавать не умеют.

И тут я увидел еще одну ворону. Она сидела на кочке и смотрела на рыбешку и на своих подруг. Вдруг эта ворона плюхнулась в воду и, неуклюже размахивая враз намокшими крыльями, скорее даже не поплыла, а попрыгала по воде к рыбешке, схватила ее, и таким же способом вернулась назад. Сидит на кочке мокрая взъерошенная, но довольная, гордая. У ног ее рыбка лежит, серебром сверкает...

Вот и говори после этого, что вороны плавать не умеют.

Умные вороны, как и умные люди, все умеют. А не умеют, при необходимости, в один миг научатся...

А радость осталась...

...В омуте караси. Вижу их. Ходят вокруг крючка важные, неторопкие, золотыми боками поблескивают. Вот-вот найдется самый решительный и жадный – на червяка на крючке позарится. Другим пример подаст – клев откроет... Не шелохнусь. Комар на щеку сел – не сгоняю – боюсь рукой шевельнуть...

И вдруг зеленая молния сверкнула – зимородок изумрудный прямо на удилище сел. Я и тут не шелохнусь. И все же зимородок, видимо, почувствовал что-то. По удилищу все ближе и ближе ко мне продвигается, рассматривает. Головка маленькая, нос огромный, глаза – бусинки. Чувствуется, – и страшно ему, и любопытство непреодолимое одолело.

Не выдержал я – рассмеялся. Взмахнул он крылышками – вновь зеленая молния сверкнула – улетел. Улетел, а в сердце радость осталась, зеленым огоньком светит...

Как рождаются смерчи

О смерчах, пожалуй, каждый знает – видел, читал или слышал. Страшная это штука – смерч. Закрутится воздушный столб от земли до неба – дома рушит, рельсы в узлы вяжет, деревья с корнями вырывает. А вот все ли видели, как смерч рождается? Нет. Я же видел. И не когда-нибудь, а минувшим летом.

Рыбачу. Озеро в кустах дремучих. Тихо. На воде – ни рябинки. Поглядываю на поплавки. Вижу, у самых поплавков над водой невесть откуда взявшийся листочек сухой, жёлтый закружился.

Миг-другой – и протянулся к листочку тонкий-претонкий, в палец толщиной, водяной столбик. Растёт и растёт. С метр высотой вытянулся и заскользил по озеру. Добежал до коряги метрах в десяти от меня, ударился об неё и исчез. И снова тишина – ни ветра, ни сквознячка даже...

Алая поляна

Шёл, шёл я вдоль протоки и, можно сказать, заблудился. Вокруг сплошной стеной – яблони, черёмуха, тальники. Удочку, конечно, смотал, сложил. Лезу сквозь кусты, протискиваюсь. Все ориентиры потерял. Жара. Кажется кустам этим, зарослям конца края не будет.

И вдруг – расступились они, оказался я на маленькой полянке и вздрогнул даже – огнём полыхает эта полянка – саранки цветут. Сотни, тысячи саранок – ступить боязно.

Посидел я на алой полянке минут десять-пятнадцать – любовался и снова сквозь кусты полез. Думаю, на обратном пути снова сюда загляну.

Когда же с рыбалки возвращался, сколько ни пытался найти ту полянку – не смог. Так она и осталась в памяти, как сон прекрасный, как чудо какое-то. Сотни, тысячи саранок цветут, огнём полыхают... Такое навсегда в памяти остаётся...

Подарок

Между наклонившейся над ручейком травинкой и поверхностью воды – крошечная радуга. Можно пройти мимо сотню раз и не увидеть её. А для того, чтобы увидеть, нужно присесть, наклонить голову и посмотреть на травинку, воду, на весь наш мир под определённым углом.

Я умею видеть такие крошечные солнечные радуги. А научил меня этому замечательный забайкальский писатель Геннадий Семёнович Донец.

Давно, уже много лет назад, он был у меня в гостях.

В тихий, тёплый летний день мы пошли прогуляться по окрестностям моего села.

Геннадий Семёнович был бодр и весел. Мы не спеша шли по зелёному лугу вдоль маленькой речушки Смолки.

– Почему речка так называется? – спросил меня мой гость. – Ты местный старожил и должен это знать.

Боясь показаться невеждой, я тут же сочинил нечто вроде легенды:

– Речка вытекает из соснового леса, вот людям и кажется, что в ней не вода, а смолка.

– Отлично! Такое объяснение – просто подарок, – улыбнулся Геннадий Семенович. – Но и я в долгу не останусь. Хочешь в любое время видеть радугу?

– Хочу!

– Так. Присядем. Наклони голову. Чуть правее, правее... Смотри на тот берег, на мысок, на травинку. Видишь?

И я действительно увидел маленькую разноцветную, пронизанную солнцем и переливающуюся на солнце радугу.

...Течет речка Смолка. Текут сотни и других рек и речушек. Течет время. Нет в живых писателя, человека до самозабвения влюбленного в природу, Геннадия Семеновича Донца.

В моем сердце память о нем. Со мной всегда и везде его подарок – пронизанная солнцем и переливающаяся на солнце радуга.

Спасибо тебе, друг!

Горящая Свечка

Омуток маленькой безымянной речушки, как у нас говорят, нерыбный. Но я люблю его. Вода в нем какая-то синяя-синяя и березы над ней – старые, грустные. В солнечный день они четко отражаются в спокойной воде и кажется, что твой поплавок меж деревьев бродит. Забудешься и хвать за удилище – того гляди леска за ветку зацепится. Выдернешь удочку и засмеешься. Вот они, ветви-то, – над тобой...

Люблю я это местечко. Тихое. Безлюдное. Омуток-то нерыбный.

Сижу я однажды. На воду поглядываю. На солнышке греюсь. Лежит мой поплавок, не шелохнется. Но что это – вижу, кто-то крадется к нему, лапками по ветке перебирает. Рука – к удилищу, да вовремя спохватился. Оглянулся, а над головой на ветке березы бурундучишка покачивается. Маленький. Узенький. Секунда – и нет его.

Пробежал я взглядом по воде, нашел поплавок и вижу – к нему снова бурундучишка крадется. Тихо-тихо, не шевелясь почти, вытащил я из кармана кусочек хлеба и над головой поднял. Сам оглянуться не решаюсь – испугаешь гостя. Вот уже и рука уставать стала. Оглянулся. По ветке рыжая молния мелькнула. Рядом был. На минутку терпения у меня не хватило. Положил я кусочек на ветку, в развилочку, и стал бурундучишку ждать, про рыбалку забыл.

Вижу – из-за ствола чуть ли не в метре от меня мордочка бурундучья выглядывает. Смешная. Глаза испуганные, а носик от вкусного запаха подергивается и вперед тянется – бурундучишку на ветку вытягивает. Шажок, другой, третий – и нет кусочка. Только рыжий огонь вспыхнул.

Поводился я на нерыбный омут. Дней через десять бурундучишка ко мне привык и стал угощения с ладони брать. Все брал – и хлеб, и конфеты, и крошки печенья. Но брал осторожно: подкрадется, схватит – и нет его.

Борис Макаров

Заметили мои друзья-рыбаки, что я на нерыбный омут чуть не каждый день хожу, обиделись:

– Таишься?.. Нашел хорошее местечко и помалкиваешь. Признавайся – клюет?

– Не клюет, а хватает, – отвечаю. – Хотите завтра со мной?

– Спрашиваешь!

Показал я друзьям, кто у меня с ладони кусочки хватает, – от души посмеялись и сами зачастили к нерыбному омутку. Идут, едут мимо – обязательно к бурундучишке наведаются. У корней и на ветвях березы продуктовый склад образовался.

Так все лето и жил мой, вернее, наш полосатик. Рыбаки его Горящей Свечкой прозвали. А что. И вправду похож! По дереву бежит – пушистый хвостик огоньком трепещет. Сядет на веточку, на людей поглядывает и лапки потирает: сколько вкусного нанесли, с чего начать – не знаю... И сидящий на задних лапках опять же на свечку похож.

Но вот и осень пришла. Пожелтели листья на березе, каждый рыжего бурундучишку напоминает. А сам хозяин березы исчез – спать лег.

...Встал я сегодня утром, взглянул в окно – снежок порхает. Грустно мне стало. Вспомнил лето. Вспомнил омут безымянной речушки. Вспомнил Горящую Свечку, и родились стихи – о маленьком бурундучишке, о доверии, о большой дружбе.

Золотые зимородки

*В своей семье бурундучьей
Он явно прослыл беспечным.
Слетая к земле по сучьям,
Струился горячей свечкой.
Свистел, надувая щеки,
Глазенки смешные пучил.
И верил – в кустах, в осоке –
Одни друзья бурундучьи.
Он лез в рюкзак и сумки, –
Показывай, что принес там!
Маленький, смелый, умный
Хозяин сухой березы.
И взрослые и мальчишки
Ценили это доверье
Рыжего бурундучишки,
Ручного дикого зверя.
Но вот заметалась вьюга,
Сравняла поля и воды.
И мы проводили друга
На зимний глубокий отдых.
Казалось бы, что такого
Особого в этом слишком.
...Мне снился сегодня снова
Рыжий бурундучишка.*

В свете костра

Мы устали. Очень устали. Десяток километров, пройденных в теплой одежде, болотных сапогах, с тяжелыми рюкзаками – многовато даже для самых заядлых из одержимого племени рыбаков...

И все же – хорошо! Поставлены переметы, закончена заготовка сухого валежника для костра, повешен на таганок котелок. Вот они – минуты заслуженного... нет, не отдыха – блаженства.

Не хочется говорить. Не хочется двигаться. Хочется смотреть и слушать. Словно впервые – остро слышишь, как шумит река, как потрескивают веточки в разгорающемся костре, как где-то за рекой в скалистых отрогах ухает уставший от одиночества филин.

Да, оно действительно так – все впервые. Всегда все – впервые. Каждый новый день – впервые. Каждый восход и закат солнца – впервые. Каждая встреча с рекой и лесом – впервые. И пусть на твоём любимом месте – а у каждого рыбака оно есть – с каждым годом нарастает новый, толщиной в четверть слой золы от костра, каждая встреча с костром – впервые. Каждая ночевка у него – впервые.

Ежеминутно меняются голос реки, цвет огня, очертания деревьев. И в этом торжество жизни, ее непреходящая радость.

И никак я не могу согласиться со словами замечательного поэта Бориса Корнилова:

*За окном – по капле, по листочку
Жизнь свою наращивает сад.
Все до дна знакомо – точка в точку.
Как и год и два тому назад.*

Золотые зимородки

Это несогласие как-то невольно вылилось в стихотворение:

*Тальничок да тополь – старец древний
Подружились под моим окном.
В день весенний выхожу к деревьям
И невольно думаю о том,
Как умеют веточки и листья
Мудро о бессмертье говорить,
Умереть и заново родиться,
И себя ни в чём не повторить.*

Вот и сейчас с каким-то радостным удивлением, с ожиданием чего-то ещё неоткрытого, непознанного, но заведомо приятного мы смотрим на знакомые деревья, на скалы, нависающие над рекой, на её темнеющую воду. И это, не до конца осознанное, ожидание чуда не обманывает.

Пламя костра набирает силу, свет его раздвигает вечерние сумерки, и мы видим прямо над нами на тонкой вершине уже облетевшего тополя четыре маленьких зверька.

– Белки?

– Что-то непохоже... – отвечает мой друг.

Он берёт хворостинку и стучит по стволу тополя. И свершается чудо. Один за другим зверьки...поднимаются в воздух. В свете костра, на фоне неба они кажутся большими и сильными.

– Летяги. Белки-летяги.

Летяги плавно, бесшумно опускаются на соседние деревья и исчезают.

Всего минуту, не больше мы видели их. Но эта минута навсегда врезается в память.

Пройдут день, два, месяц. Пройдёт год. Мы много увидим, услышим, узнаем. Но я уверен – эта мимолётная встреча не забудется.

Борис Макаров

... Четыре летящих зверька будут снова и снова парить в зыбком свете костра. И будет шуметь река, и будут темнеть заречные скалы, и будут сиять восторгом глаза друга...

Потому что все вместе – это-чудо. А встреча с чудом – надолго. Навсегда. На всю жизнь.

Прислушайтесь к ветру.

Прислушайтесь к вешнему ветру.

Поймайте дождевку, упавшую с неба, в ладонь.

Заметьте, как пляшет на кончиках тоненьких веток

В рыбацком костре молодой и вихрастый огонь.

В березовой роще, где пахнет травой и грибами,

Где шляпу легко заменяет карманный платок,

К столетней березе как в детстве прижмитесь губами

И сока испейте чуть-чуть горьковатый глоток.

Забудьте про возраст. Его мы придумали просто.

Поверьте кукушкам, умеющим долго считать.

Есть в мире деревья и травы огромного роста.

И звезды росинок в пушистой корзинке листа.

Бывает усталость. Бывает дождливое лето.

Бывает – сбивает судьба, как норовистый конь.

Но жить – это чудо.

Прислушайтесь к вешнему ветру.

Поймайте дождевку, упавшую с неба, в ладонь...

Паводок

Весь июль шли дожди. Реки разбухли и вырвались, выкатились из русел. В считанные часы ошалевшая от свободы и избытка силы вода погребла под собой прибрежные луга и поля, смяла, связала в жгуты заросли шиповника, черемухи, яблонь, наполнила лога и овраги, заставила пожалеть, заплакать о потерянном добре и труде сотни людей. Но люди сильны, и, прежде всего сильны своим умом, своими знаниями. Они умеют предвидеть, предугадать, отступить и наступать, умеют помогать друг другу, и поэтому паводок обошелся без человеческих жертв.

Труднее в те дни пришлось нашим братьям меньшим – насекомым, зверью, птицам. Нам, людям, как правило, свойственно возводить в абсолют только свое человеческое горе и не дано видеть и осознавать, например, большое горе маленьких муравьев. Умей мы это делать, – и планета Земля, изрядно изгаженная и поруганная нами, сразу бы превратилась в планету Добра и Любви, в планету Чистоты и, в конечном итоге, – в планету Бессмертия.

Нам многое не дано видеть и слышать, осязать и понимать. Однако каждому из нас наверняка приходилось хотя бы изредка сталкиваться с такими явлениями «неразумной» природы, которые заставляли если не убеждаться в обратном, то хотя бы задумываться над вопросом – а не поспешили ли мы, люди, присвоить нераздельное право на разум и не пора ли нам отдать хотя бы часть этого права тем, кто живет рядом с нами?

Несколько таких явлений пришлось наблюдать и автору этих строк – страстному рыбаку и бродяге во время паводка.

Во имя жизни

Шелег, так называют в наших местах лог, залитый водой, был неглубоким. Я определил это по верхушкам травы, торчащим из воды. В шелеги любит во время паводка заходить передохнуть, поднагулять жирку рыба.

... Легкий взмах удилицем и поплавок точно, аккуратно ложится в узкий просвет между травинок. Теперь можно передохнуть, расслабиться и мне. Привычно-внимательно оглядываю выбранное место. Вода... Вода... Густая, белесая, тяжелая, мутная. Ни всплеска, ни карасинового чмоканья. Полупрозрачная, будто тщательно выстиранная, стрекоза пытается присесть то на одну, то на другую травинку и тут же опять взлетает, шарахается в сторону. Она явно устала.

Минуту, другую слежу за стрекозой и вдруг замечаю – травинки, торчащие из воды, не совсем обычные – на конце каждой из них черный шарик. Шарики разных размеров. Под весом наиболее крупных из них травинки согнулись и шарики оказались в прибывающей воде. Что это – ягоды, семена?

Раскатываю «болотники», захожу в воду, срываю несколько травинок, выношу на берег.

– Боже мой, да ведь это муравьи!

Кладу травинки с шариками муравьев на землю, встаю на колени. Шарики не шевелятся. Муравьи мертвы. Но вот проходит какое-то мгновение, и из-под погибших муравьев начинают выползать живые. Шарики распадаются, рассыпаются. В центре каждого из них – ярко-белые зернышки – муравьиные яйца.

И тут я понимаю великую мудрость и самоотверженность муравьиного народа.

Вода затопила муравейник. И в самый последний момент муравьи, подхватив яйца – будущих муравьев, поднялись с ними на травинки. Вода наступала, поднималась вслед за ними, и тогда

Золотые зимородки

часть муравьев прикрыла белые колыбельки своими тельцами, другая часть самых отважных жителей муравейника прикрыла тех, первых. Образовались плотные, непроницаемые для воды шарики. Отважные погибли. Вполне вероятно, погибли бы и остальные. Но муравьи до конца боролись за жизнь во имя жизни, во имя будущей жизни.

Раз двадцать, тридцать пришлось мне забредать в воду до тех пор, пока все травинки, унизанные черными шариками, не оказались на берегу.

«Болотники» не спасли меня. Я основательно промок и продрог. Паводковая вода холодная. Остаться в мокрой одежде долго было нельзя. Я разложил ее на солнышке рядом с грудями мокрой травы, благо вокруг на много верст – ни души...

...Я долго сидел среди тысячи муравьев. И, только уже уходя с «неклевого» места, удивился еще раз – ни один из муравьев не потревожил, не укусил меня...

Шел куда-то Старый Сом

С вершины до подножья холма – глубокая колея тележного следа. Внизу, под холмом, чей-то покос. Видимо, когда-то при вывозке сена тяжело нагруженная телега, поднимаясь на холм, «буксанула», колёса сорвали дёрн, врезались в песок, оставили на земле шрам. Такие следы долго не заравниваются, не зарастают, а иногда, со временем, даже превращаются в глубокие и широкие овраги.

Паводковая вода затопила покос, превратила его в озеро. Из протоки, протекающей рядом, в озеро вошла рыба. Сначала мелкая – гольяны, пескари, чебаки, а затем, убедившись в безопасности, крупная – сазаны, щуки, сомы, в том числе и Старый Сом.

В новом озере ему было хорошо – сытно, вольготно. Ночью Старый Сом жировал, а с восходом солнца вползал в колею, нижний край которой оказался под водой, и впадал в дрему. Днём вода в колее прогревалась, и Старому Сому становилось тепло и уютно.

Паводок набирал силу. Вода поднималась. Вместе с ней по колее поднимался Старый Сом. И однажды он оказался на затопленной вершине холма. Здесь рытвины и выбоины были глубже и шире колеи тележного следа, и в одной из них Старый Сом решил обосноваться надолго, может быть, навсегда. Он тщательно обследовал рытвину. Ощупал усами камни. Потёрся, почесался об один из них, нависающий теперь над подводной колеёй, служившей входом в рытвину. На жёлто-зелёных боках Старого Сома змеились шрамы, и чесаться было очень приятно. Почёсываясь, сом не замечал, что камень медленно, сантиметр за сантиметром сползает в колею и закрывает выход из рытвины.

Вода в паводок спадает также быстро, как и поднимается. И однажды ночью она в считанные минуты скатилась с холма. Старый Сом заметался в разом обмелевшей рытвине, несколько раз ударился о камень, запечатавшей колею, а потом затих и стал

Золотые зимородки

спокойно обдумывать ситуацию. Он хотел жить и решил бороться за жизнь до конца.

Внизу, под холмом, откатываясь, отступала вода. Чтобы спастись, нужно было догнать её и вместе с ней уйти в протоку. Но как сделать это? Старый Сом тщательно вывалялся в грязи, оставшейся на дне рытвины, и выполз из неё. Его ослепило солнце. Дышать стало трудно. Обсохшие камни впились, врезались в тело и при каждом рывке вперёд пластали его на части. Грязь, какое-то время защищавшая от ожогов солнца, смешалась с кровью и слизью, но Старый Сом, задыхаясь и страдая от нестерпимой боли, упорно продвигался к краю холма.

...Старый Рыбак увидел Старого Сому и не поверил своим глазам. Как могла эта рыбина оказаться здесь, на вершине холма? Но потом посмотрел на колею, рытвину, камень и всё понял, а поняв, удивился силе рыбины, восхитился её упорством в борьбе за жизнь. Добрый десяток метров Старый Сом прополз по острой сухой щёбёнке, окрасив её своей кровью.

Старый Рыбак не был излишне жалостливым по отношению к рыбе. С детства он ловил её острыми крючками, сетями, бил острогой. И если бы кто-нибудь сказал ему, что он поможет Старому Сому добраться до воды и спастись, Старый Рыбак мог бы принять это за насмешку и, наверняка, послал бы предсказателя куда подальше...

...Старому Сому показалось, что он умер и оказался в своём рыбьем раю. Охлаждённые водой бока и брюхо разом перестали болеть, вновь стали приятно-упругими, гибкими. Белое небо стало привычно зелёным. Дышалось легко. Тело мгновенно налилось силой, радостью жизни.

Чутьочку, полежав на мелководье, рыбина шевельнула хвостом и ушла в сторону родной протоки...

Живи, заяц!

Заброшенная дорога, пролегающая по вершине холма от подножья сопки к месту бывшей переправы через реку, превратилась в своеобразный мол.

... Лет двадцать назад паромную переправу заменил мост. Возвели его выше по течению, проложили к нему асфальтированную трассу, и полевая дорога стала никому ненужной. Десятки, а может, и сотни лет прокладывали, утрамбовывали её колёса телег, ноги пешеходов, копыта лошадей и коров, машины и тракторы, и потому даже сегодня она не исчезла, не заросла травой.

Я люблю ходить и ездить по этой дороге, люблю иногда посидеть на её обочине, послушать, а лучше сказать, ощутить её бессловесный рассказ о своей дорожной судьбе, о том, что она повидала за многие годы.

... Паводок превратил окрестные луга в огромное озеро. Я свёл велосипед с сопки на старую дорогу, оседлал своего конька-горбунка и медленно поехал в сторону бывшей переправы. Ехать посреди глади воды было непривычно. Безбрежье, безграничье, блеск отражённого водой солнца порождали ощущение нереальности, фантастичности реального и давно знакомого мира.

Дорога нырнула с холма, и я остановился. Дальше пути не было.

Спустившись к нижнему урезу мола, я вдруг заметил метрах в пяти от него среди солнечных бликов и нанесённых коряг какое-то движение. Пригляделся – на пяточке каменной глыбы, едва выступающей из воды, неподвижно, лишь изредка прядая ушами, сидел заяц.

Откуда он появился? Скорее, приплыл из припойменных зарослей на одной из коряг.

Раздумывать было некогда. Заяц явно нуждался в помощи.

Прямо в одежде, с рюкзаком за плечами я шагнул в воду. Шаг, другой – вода по пояс. Шаг, другой – вода по грудь. Рюкзак по-

Золотые зимородки

легчал – подвсплыл. До зайца метра три. Всё. Рисковать жизнью ради жизни зверька не стоит. Вода прибывает. Умеют ли зайцы плавать – не знаю. Хочется верить – умеют.

Прощай, косой! Поворачиваюсь к зайцу спиной, делаю шаг к берегу. И вдруг мой рюкзак оживает, резким рывком отбрасывает меня назад. Плюхаюсь в воду, чертыхаюсь, вижу над головой какой-то серо-рыжий проблеск. Мгновенно вскакиваю. По дороге-молу по направлению к сопкам улепётывает, спасшийся с помощью моего рюкзака, заяц – отважный и умный заяц.

Однажды выбранной тропой

Коровы всегда ходят по одной тропе.

Возвращаясь с пастбища, коровы нашего села сначала идут вдоль берега протоки, затем пересекают вброд устье маленькой вытекающей из леса и впадающей в протоку речки и только у самой околицы расходятся в разные стороны по своим дворам.

Вспученная паводком протока вышла из берегов, вползла в устье лесной речушки, и на его месте образовался широкий и глубокий залив.

В паводковые дни, идя домой, коровы, как всегда шли по своей тропе, подходили к заливу и спокойно входили в воду. За коровами устремлялись телята и плывущее к селу стадо издали казалось похожим на стаю уток.

Встречая по вечерам своих бурёнок и зорек, мы и раньше удивлялись их глупости и упрямству. Ну что не догадаться бы, не подняться чуть выше по течению речки и переходить её не вброд, не в устье, а в узком и мелком месте. А уж переходить-переплывать, превратившееся в залив устье, вместо того чтобы просто обойти его было даже не глупостью – тупостью, показателем отсутствия даже проблесков ума.

Мы жалели своих обделённых смекалкой коров и телят. И однажды один из нас, не выдержав их самоистязания, обошёл залив и, встав на коровьей тропе, стал отгонять животных от воды, направляя их в обход залива.

Сначала коровы упрямылись, брыкались, пытались проскочить мимо сердобольного человека, но потом смирились, подчинились и медленно, нехотя двинулись туда, куда он их направлял.

Подойдя к речке, стадо вновь остановилось, попятилось, заупрямылось. Но добрый и умный человек схватил палку и,

Золотые зимородки

размахивая ей, стал теснить животных к берегу. Одна из коров не выдержала, ступила в воду и тут же, под наше общее «ах» скрылась в ней, хотя глубина речки в том месте была не больше полуметра.

– Ил!..Засосёт!..- Крикнул кто-то. –Жерди!..Верёвки!..

Мужики и бабы действовали расторопно. Корову мы с трудом, но спасли.

Умный человек, заставивший стадо сойти с его тропы, отделался, как у нас говорят, лёгким испугом и тем, что ему пришлось выслушать несколько слов, сказанных хозяином спасённой нами коровы.

Каких слов? Да тех самых, которые сегодня часто употребляются в телепередачах, звучат по радио, печатаются в газетах и за которые раньше можно было схлопотать пятнадцать суток...

Карась-солнце

Поплавок ложится на бок и медленно скользит в сторону. Подхватываю удилище, и сразу понимаю – на крючке крупная рыбина. У меня многолетний рыбацкий опыт. И потому я спокойно и уверенно делаю подсечку. Рыбу можно считать моей. По её плавному, лениво-медленному движению уже на леске безошибочно определяю – карась. Карась солидный – килограмма на полтора. Такие встречаются в ононских курьях.

Вывести карася несложно. Надо поднять его из глубин, дать ему «глотнуть воздух» и он ляжет на бок.

Поднимаю. Бамбуковое удилище сгибается дугой, и вдруг его верхняя часть упирается в ветки тополя. Фу-ты, я и забыл, что позади меня густое, разлапистое дерево.

Опустить удилище, ослабить леску нельзя – будет сход. Остаётся действовать на «ура». Продолжаю тянуть рыбу. Удилище сгибается всё сильнее и, потрескивая, вминается в гущу тополиных веточек и листьев.

Наконец, карась важно, спокойно выныривает из воды и повисает на леске в полутора метрах от моего лица. Под ним трёхметровая глубина. Надо мной до предела втиснутое в крону дерева и до предела изогнувшееся удилище.

У меня многолетний рыбацкий опыт. И потому я спокойно делаю вывод – карась не мой и разглядываю его. Чешуя – золотые пятаки. Крышки жабер – почерневшие от времени бронзовые блюдца. Красавец!

А рядом с карасищем – золотой, с алым отливом круг вечернего солнца.

Леска слегка вибрирует, покачивается. Две золотые рыбины или два солнца соприкасаются. Они спокойны и уверены в себе. Они рядом со мной. Но мне их не взять. Они – для всех. И они должны жить вечно.

Золотые зимородки

...Карась-солнце устал. Он посмотрелся на меня, на наш надводный мир, на своего брата – неяркое, отливающее бронзой вечернее солнце и тяжело качнул хвостом. Этого достаточно. Крючок вылетает из его губы:

– Плюх!

Сажусь. Досады нет. Караси-солнце не для ухи и жарёхи. Они для рыбацких легенд и солнечных воспоминаний.

Щучья любовь

Щуки симпатии не вызывают.

Пятнистые, как лягушки, зубастые, с хищными, злыми мордами – не красавицы. Жадные, ненасытные, хитрые, нападающие на других рыб, как правило из засады – из зарослей водорослей, из-за кочек, из-за и из-под коряг – не благородны, не милосердны, беспощадны.

И, конечно же, совсем не зря в наших местах рыбаки называют щук речными крокодилами. Такое прозвище заслужить надо...

...Я вышел на крутой берег крошечного заливчика крошечной степной речушки. Речушка эта впадает в Онон. В периоды засух, а они у нас в Забайкалье случаются часто, мелеет, как говорится, до уровня воробьиного колена, а то и пересыхает совсем. Однако весной, когда тает снег, во время дождей речушка становится довольно глубокой, вода из нее разливается по разным ямкам и ложбинкам, быстро прогревается, и тогда сюда из Онона устремляются стаи сазанов, чебаков, карасей, сомов и других рыб, а следом за ними поднимаются и речные крокодилы – щуки.

...Я рыбак с полувековым стажем и умею подходить к берегам рек и озер бесшумно и скрытно.

...В тот день в речушке было много воды. Она вышла из берегов и образовала множество разных заточин и заливчиков.

Осторожно раздвинув кусты тальника, я пригляделся и увидел в заливчике темные спины больших метровых рыб. Из-за облаков выглянуло солнце и я разглядел – понял – щуки. Я тут же почти интуитивно оценил ситуацию. Выход из заливчика в речку шириной метра два и глубиной сантиметров двадцать-тридцать. Рядом тоже примерно двухметровая коряга. Повезло. Стоит мне перекрыть корягой выход и щуки мои. Я не спеша пе-

Золотые зимородки

речислал рыбин, – восемь. Восемь метровых щук – вот это улов! То-то ахнет жена, то-то ахнут друзья-рыболовы!

...Щуки, освещенные солнцем, вдруг разделились на пары и разошлись в разные стороны. И тут я впервые в жизни увидел их брачные игры. Самки, а их я определил по поведению рыб, спокойно стояли в залитой теплой водой траве. Самцы же кружились вокруг них, ложились на бок, переворачивались вверх брюхом – показывали избранницам свою красоту и мощь. И они действительно были красивы. Литые темно-зеленые спины, радужные пятна на боках, бордовые хвосты и плавники... Но главная красота не в этом, – в той нежности, какую проявляют друг к другу согретые любовью беспощадные хищники. Самцы и самки ласково трутся боками, тычутся, будто целуются, зубастыми мордами.

И любуясь этой рыбьей нежностью, рыбьей любовью, я забываю о том, что всего несколько минут назад оценивал свои возможности поймать этих красавиц и красавцев.

...Таловые кусты бесшумно смыкаются за моей спиной...

Все жить хотят...

Клёва нет. Сидим у костра. Лениво течёт река. Лениво течёт наш разговор. Оно и понятно. Заветная бутылочка выпита. Уха съедена. Темы исчерпаны.

– А что, здесь, наверное, змеи есть, скалы рядом? – делаю я попытку подкинуть тему для беседы.

– Есть, – откликается Родя, маленький, тщедушный пятидесятилетний мужичок, к которому даже и в таком возрасте никак не подходит его полное, звучное имя Родион.

Разговор оживляется.

– Я их перевидал видимо-невидимо и ни одной живой не упустил, – похвастался молодой крепкий парень.

– И я, – подхватил наш четвёртый собеседник, – наступишь на голову – хрясь! – и нет.

«Зверобои» явно восхищались сами собой, своей отвагой и мужеством, высыпали целый ворох историй, в которых они всегда выходили победителями в стычках со страшными, коварными, смертельно опасными гадами.

Но вот их «запал» начал иссякать.

– Ну а ты, Родя, встречал змей, или так, понаслышке, знаешь, что они здесь есть? – спросил один из них молчащего Родиона.

– Встречал.

– Убивал?

– Нет.

– Что, боишься? Кишка тонка?

– А чего их бояться? Они на человека первыми никогда не нападают. Некрасивы, ядовиты – так такими их мать-природа родила. – Родя помолчал, потрянул лысеющей головой и добавил:

– Встречу, обойду и дальше топаю. Пусть живут, думаю. Все жить хотят...

Разговор угас.

Золотые зимородки

«Змеебои» смущённо переглянулись.

– Тучки-то вроде расходятся. Может, сейчас клёв начнётся. Пойду к удочкам, – пробормотал, поднимаясь, один из них.

– Должен, должен быть клёв. Вместе идём, – почти радостно откликнулся второй.

Родя не шевельнулся. Он смотрел на последние язычки пламени догорающего костра. Лицо его было светлым и грустным.

СОМИНАЯ НОЧЬ

Такие ночи наши местные рыбаки называют сомиными.

Густая, без единого проблеска темнота сдвинула прибрежные кусты, сжала весь мир до размеров маленького чёрного омута.

Я посильнее воткнул концы удилищ в землю и почти наощупь пробрался к сидке друга:

– Ну как?...

– Не-а...

– Должны бы лески рвать...Ночь-то соминая.

– Должны бы...

– Не пойму...

– И я...

...Все три колокольчика на его удочках зазвенели одновременно, а из темноты донёлся звон моих.

Забыв о торчащих во тьме ветках, я ринулся к своему месту. Проверил все удочки. Пусто. Ощупал наживу. Цела. В чём дело? Сомы, как правило, никогда не срываются, крючки не «выплёвывают». Жадные, кажется всегда голодные рыбины, иногда заглатывают грузило.

...Заброс. Звон колокольчика. Рывок – подсечка – пусто. В чём дело?

– В чём дело? – Это уже голос друга.

...Звякают колокольчики. Подсечка – пусто. Подсечка – пусто.

– Ловишь? – забыв о том, что могу распугать рыбу, кричу я в темноту.

– Пустой звон! – также громко отвечает друг. – Ничего не пойму.

– Там, в рюкзаке, фонарь. Неси.

Узкий сноп света вспарывает темноту, падает в воду.

– Ух ты!

В освещённом круге омута десятки жёлто-зелёных спин огромных сомов. Все рыбины идут куда-то вверх по течению.

Золотые зимородки

Некоторые из них задевают головами, боками, хвостами лески удочек. Звенят колокольчики.

Вот тебе и соминая ночь. Вот тебе и клёв.

Разжигаем костёр. Ужинаем. Ложимся спать.

Звенят колокольчики.

...Утром проверяем удочки.

Пусто.

Пусто.

Пусто.

Собираемся. Идём вдоль протоки в ту сторону, куда шли сомы. Вода прозрачная, лишь кое-где в заводях хлопья пены.

Пережат. Омут. Пережат. Омут.

И вот один из омутов встречает нас «аплодисментами». Хлопки. Плеск. Конечно, это сомы.

Встаёт солнце. Мы подходим к омуту. В нём, похожем на аквариум, десятки рыбин. Кружатся. Плещутся. Бьют по воде хвостами.

Вот она, мечта рыбака. Сомов можно ловить руками.

Да, эта рыба наша, и мы не спешим. Рассматриваем сомов. В омуте разлапистые коряги. То один, то другой сом подходит к коряге и трётся о неё брюхом. Пасти рыбин распахнуты. Из трущихся о коряги сомов на дно текут белые струи.

Икромёт.

Бока многих рыбин покрыты ранами, кровоточат. Отнерестившиеся сомы, обессилев, ложатся на дно. На наше присутствие они не реагируют. Рыба выполнила свой родительский долг, исполнила своё предназначение. Теперь ей всё равно. Она устала. Её можно брать руками.

Друг поправляет на груди лямки рюкзака:

– Пошли. Сегодня уши не будет.

Я рыбаку с ним давно и понимаю его с полуслова:

– Сегодня уши не будет. Пошли!

Стрекозы

Зной. Над головой голубая бездна безоблачного июльского неба. Под ногами такая же голубая бездна заветного омута. Тишина. Молчат птицы. Попрятались бурундуки. Ушла от берега рыба. Зной. И только сухой шелест стрекозых крыльев оживляет, тревожит остекленевший воздух.

Их много, стрекоз. Разных. Синие, красные, жёлтые, ярко-голубые, угольно-чёрные, они то зависают над водой, то, будто брызги сказочного многоцветного фонтана разлетаются в разные стороны и оседают на камышинках, листьях прибрежной травы и даже на удилице и поплавке моей удочки.

Зной. В какой-то полудрёме смотрю на фейерверки стрекоз и вдруг замечаю: ни одна из них не поднимается над водой выше кустов тальника и ни одна из них не касается воды, не опускается ниже моего высокаторчащего перьевого поплавка. Догадываюсь: взлети выше – можешь стать добычей какой-нибудь птицы, коснись воды – тобой пообедает рыбина. В огромном, тревожном, опасном, только на какое-то мгновение расслабившемся, растворившемся в солнце мире у стрекоз, оказывается, есть собственный мир, если так можно выразиться, собственный слой. В воде – рыба. Над водой – стрекозы. Над стрекозами – птицы... Зной...Полубред... Полусон...Бесклёвица.

Но вот острое красное пёрышко поплавка чуть накренилось, медленно окунулось и так же медленно пошло в сторону камышей. Рывок. Всплеск. Ещё всплеск, ещё...

Отбрасываю карася подальше от берега. Дрожащими пальцами поправляю наживку. Поплавок аккуратно ложится на прежнее место и тут же под тяжестью грузила встаёт на попа. И снова зной, снова тишина.

Золотые зимородки

Минута...Вторая...Третья...И я замечаю – что-то вокруг не то и не так, что-то изменилось. Что?

А-а-а – нет стрекоз. Улетели. Их распугал всплеск карася, взмах удилица, моя суета.

Смотрю влево, вправо. Стрекоз нет. В большом мире, окружающем меня, на какое-то время нарушилась, распалась тоненькая-тоненькая прослойка, исчезли, погасли синие, красные, жёлтые, ярко-голубые, коричневые, угольно-чёрные брызги.

И стало скучно. Одиноко и скучно.

...А ведь всего два всплеска пойманной мной рыбы да два взмаха удилицем...

Утиный невод

Солнце устало присело на левый обрывистый берег реки, облокотилось на старый, толстый, коряжистый тополь, опустило в холодную воду лучи и стало медленно остывать. Наступил тихий, золотобокий августовский вечер.

Я стоял у перил высокого моста и с его высоты любовался и солнцем, и рекой, и засиявшим от прикосновения солнца стариком-тополем.

И вдруг вечернюю тишину нарушил резкий всплеск у правого пологого берега. «Таймень жирует, - подумал я, - На самую мель вышел, пескарей гоняет».

Плеск не прекращался. Таймени, да и другие хищные рыбы так не плещут. С выбранной жертвой они обычно расправляются одним ударом.

Что же там может быть?

Я пригляделся внимательнее и в золотой ряби волн различил несколько тёмных точек.

Утка с выводком утят? Но ведь уже конец августа и утята должны быть большими...

Точки стремительно неслись вниз по течению, приближаясь к мосту.

О, да это не утята, а действительно совсем взрослые утки.

Что же они там делают?

И словно отвечая на этот вопрос, утки растянулись цепочкой, быстро приблизились почти вплотную к берегу, враз захлопали крыльями и стали торопливо подбирать вылетевшую на песок рыбёшку.

Перекусив, утки повторили заплыв ещё несколько раз.

Такой способ ловли рыбы крылатыми рыболовами я видел впервые.

Золотые зимородки

Наблюдая за утками, удивляясь их сметливости, я даже не заметил, как остывшее солнце откатилось на ночь за таловые кусты и прикрылось легким, мягким туманом.

С заходом солнца прекратился и плеск уток. Оно и понятно – в сумерках, в темноте можно запросто напороться на корягу или наскочить на камень.

...На другой день я рассказал об увиденном деду Михееву – рыбаку с пятидесятилетним стажем.

– Тебе повезло, – сказал он. – Ты видел утиный невод. Я слышал, что иногда утки таким способом промышляют рыбу, но самому видеть не приходилось...

Караси из-под... дорожки

Река отступила. Курья превратилась в озеро. Со временем озеро обмелело, заросло травой, подернулось тиной – превратилось в болото.

По самому краю болота пролегала дорога, зыбистая, топкая, но зато напрямую соединяющая два прибрежных села. В самых топких местах мужики настелили гать. Едет повозка, а из-под копыт лошади, из-под тележных колес пузыри да фонтанчики: буль-буль, фыр-фыр...

– Под музыку ездим, – смеются мужики, – никаких оркестров не надо.

...Я шел по гати. До реки оставалось метров сто. Косые лучи утреннего солнца до дна пронизывали болото. В густой золотистой воде то там, то тут плюхали лягушки. Невольно взглядывая на них, я вдруг заметил – вода в болоте не однотонна. Метрах в двух от гати она, какой и положено быть болотной воде, – бурая, золотистая. А вот у дороги, у настила – живая, голубая, легкая. И в этой голубой, легкой, живой воде – я не поверил своим глазам – стайки гольяшек. Видно, вышли из-под гати полюбоваться утренним солнышком, поиграть, порезвиться.

«А нет ли там – под гатью, под дорогой, кого-нибудь покрупнее? – подумал я и засмеялся над собственной глупостью. – Глубина воды у среза бревнышек всего полметра – в самый раз для лягушек...» «Но ведь вон же гольяшки. А где гольяшки, – там и карася жди», – заупрямился мой многолетний Рыбацкий Опыт.

Эх, была не была. В одну минуту размотал я удочку, нацепил на крючок червяка и, оглянувшись, – не дай Бог, увидит кто – засмеют, всей деревней засмеют, – взмахнул удилицем. Поплавок лег в полуметре от гати и не успел я охнуть – плавно ушел под... дорогу.

Золотые зимородки

Через полчаса у меня в сумке – нет-нет не трепыхались – ворочались с десяток литых черноспинных карасей.

...Все нынешнее лето прорыбачил я – даже не знаю, как сказать – на дороге или под дорогой. Пустым с рыбалки не приходил. Караси из-под дороги отменные, вкусные, жирные были – при жарке масла не надо.

...Рыбачу и оглядываюсь. Увижу, кто-нибудь идет или едет – удочку из воды, сапог с ноги и портянку на бревна.

– Что, Михалыч, делаешь?

– Ноги промочил. Портянки сушу.

– Пятый раз тебя здесь, на одном месте, вижу и все портянки сушишь? – говорит мне как-то Ванька Ветров – известный рыбак и пройдоха изрядный. – Не то что-то, не то...

– На реке замочу, а здесь сушу – уж место-то больно удобное да красивое, – отвечаю.

– Оно, может, и так, – каждому свое. Кому и лягушачье болото по душе. Это от нее – от души зависит... Но почему ты каждый раз в воду в сапогах лезешь, убей – не пойму...

– У меня в одном сапоге дыра, а заклеить все никак не соберусь, – нашелся я.

– Это другое дело, – тряхнул чубом Ванька. – Это я понимаю. Вон в соседней деревне недавно мужик один от голода помер. Жена блинов напекла да в постель ему не подала, а встать лень было... Она, лень-то, у нас на Руси сильнее самой смертушки...

На том мы и разошлись.

Но теперь, собираясь на рыбалку, я сто раз в сторону Ванькиного дома посмотрю, – ушлый чертяка, выследит. А у нас, у рыбаков, выдавать, выказывать свои заветные места не принято. Выдашь, выкажешь – лопухом прослывешь. Тот же Ванька Ветров проходу шуточками-подковырочками не даст...

«Бурный» клев

Да, да, именно так – «бурный», а не бурный. Уберите мягкий знак и все, что для меня кроется за этим новоиспеченным словом, исчезнет.

А кроется вот что.

Озеро, которое я нашел в дремучих зарослях таловых кустов, было необжитым – ни следов рыбацких костров на берегах, ни подставок-рогулек под удилица, ни ржавых банок из-под червей...

Именно это и подвигло меня на долгое ожидание клева – уж очень хотелось стать первооткрывателем и узнать, какая рыба может обитать в этом «нераспечатанном» рыбаками водоеме.

Ну а в том, что рыба в озере есть, я не сомневался. У самого берега сверкали серебряными блесками мальки. То там, то здесь расходились по воде круги. У островка, поросшего камышом, слышалось характерное карасиное почмокивание.

Но клева не было.

Не побоюсь обвинения в нескромности, – я опытный рыбаку-удильщик, не один десяток лет рыбачу в разных реках и озерах и, конечно же, довольно быстро и точно могу определить причину «бесклевицы». Но в тот раз не мог. Погода? Но в голубом небе ни облачка. Ни ветра. Ни отдаленных раскатов грома. Ни душной жары...

...И вдруг я, можно сказать, интуитивно, понял – в природе, в окружающей обстановке все же что-то произошло. Исчезли круги на воде. Мгновенно, будто по команде, смолкло почмокивание у камышей.

За таловыми зарослями послышался тяжелый, басовитый гул.

Что это?

Задал ли я тогда этот вопрос себе, честно говоря, не знаю. Скорее всего, нет. Не успел.

Золотые зимородки

Гул обрушился на озеро, на таловые кусты, на меня. Он прижал к земле даже толстые стволы, взвихрил, вздыбил мгновенно побелевшую воду, вмял в песок, в траву мои, вдруг обессилевшие, руки и ноги.

Буря! Настоящая буря! За ее первым ударом над озером на мгновение повисла вязкая, глухая тишина, а затем забушевал, зашвистал сокрушительный ветер.

...Но вот первое ошеломление прошло. Нам ли, забайкальцам, привыкать к ветрам?! Я приподнял голову:

– Где же удочка?

Удочка лежала на берегу, в стороне от воды. Подтянув под себя удилице, я стал выбирать из песка и травы леску и вдруг почувствовал упругий рывок. Перехват! И вот он – тяжелый, бронзовый карась.

Все так же лежа, я поправил наживку и с трудом отбросил конец лески в воду. Крючок упал в метре от берега и тут же – снова рывок.

...Минут через сорок шквальный ветер затих так же мгновенно, как и налетел. Я встал, отряхнулся и сложил в сумку восемнадцать увесистых, литых карасей, вышедших в бурю к самому берегу, видимо, в надежде вкусно пообедать всякой мелкой живностью, снесенной ветром в воду.

Заново воткнув в дно упавшую сошку, обновив наживку, я закинул удочку в успокоившуюся, постепенно начинающую голубеть воду.

...Прошел час, другой... Увы, «бурный» клев больше не повторился. И если бы мое плечо не оттягивала сумка с карасями, я бы не поверил, что в этом затерянном в кустах озере водится крупная рыба.

Сазанята

Млела, плавилась, дышала жаром засуха. Поблекли, похудели, съезжились травы. Обмелели ручьи, озера, реки. А моя любимая луговая речка Учерка, вытекающая из Долгого озера и впадающая в Онон, исчезла совсем.

...В тот день я шел по ее дну. Не верилось, что на галечнике, шуршащем под ногами, еще недавно в светлых струях процеженной мхами воды стояли зорерозовые ленки, серебристые хариусы, а, скажем, вон под той обсохшей, скелетообразной корягой, наверняка, дремали сомы и налимы.

Обмелело Долгое озеро, дающее жизнь Учерке, – умерла Учерка – погибла или успела уйти в Онон из родных плесов рыба.

...Золотой слиток я увидел издали. Он лежал на дне бывшего самого глубокого омута Учерки и сверкал, как осколок солнца, неподвижно висящего над ним.

Я подошел к слитку и ахнул – поверхность небольшой, оставшейся от омута лужи была сплошь покрыта лежащими на боку сазанятами. Они походили на осенние желтые листья тальника, вот так же забивающие все лужи и впадины в сентябре-октябре. Сазанята не шевелились. И только присев на корточки, я увидел легкие судорожные подергивания жабер. Рыбки были живыми.

До Долгого озера оставалось километров полтора. Что делать? Как помочь золотым малышам? Стоп! Нашел!

Я снял «болотники» – резиновые рыбацкие сапоги с раструбами и стал пригоршнями вместе с водой заливать в них сазанят.

...Босиком да еще по речному галечнику я ходил давным-давно – в детстве. Помнится, тогда в какой-то мере это даже доставляло удовольствие. Камешки щекотали подошвы и под легким весом мальчишечьего тела не вминались в ил и песок.

...Полтора километра я шел не менее часа. Не шел – вытанцовывал. Сапоги, наполненные водой и рыбешками – нес в руках.

Золотые зимородки

Плечи оттягивал рюкзак. Позади волочилось удилище, один конец которого я зажимал под мышкой.

Галька резала ноги. Резала так, что иногда хотелось взвыть и бросить всю затею со спасением сазанят. Я пробовал идти и по берегу высохшей речки, но пролезать, прорываться через заросли таловых кустов и шиповника было еще труднее.

...Я сбросил рюкзак и вошел в озеро прямо в одежде. Присел, окунулся с головой в теплую, но живительную воду. Встал, отфыркался, вытряс из плавающих рядом сапог с десятков задержавшихся в них рыбешек, огляделся. Вокруг меня плавало десятка два не выдержавших дальнего и долгого пути сазанят. Остальные ушли в глубину. Сколько их было – пятьсот, тысяча, две...? Не знаю. Много.

...С тех пор прошло лет десять.

Я, без хвастовства, опытный рыбак. Могу обхитрить такого же старого, опытного, как и я, карася. Знаю, как выманить из-под коряги мудрого, повидавшего сотни рыбацких крючков, сома. Знаю, что и как надо делать, чтобы почувствовать на леске резкий, упругий рывок сверхосторожного хариуса. Во время своих рыбацких походов я видел в Ононе и впадающих в него речках тысячи одиночных и стайных сазанов. Видал их на куканах, в сумках, рюкзаках опытных и неопытных рыбаков. Пробовал ловить сам. Не поймал ни одного.

Мне почему-то сазаны не ловятся и, если честно признаться, я об этом не жалею...

Русалка

Полночь. Тишина. Тяжелое, беззвездное небо. Тусклый свет луны. На черной поверхности заветного омута белые иглы поплавок. Не клюет...

Глаза устали. Отрываю взгляд от поплавок, смотрю по сторонам. Силуэты кустов напоминают фантастические фигуры. Вон динозавр. Вон огромная голова Льва Толстого. Вон...

Что это? Метрах в двадцати от меня по пояс в воде стоит женщина. Матово светится обнаженный торс. Длинные, распущенные по плечам волосы касаются воды. Одна рука чуть приподнята. Русалка.

Оклинуть? Но что-то удерживает меня. Нет, не страх. Может быть, боязнь испугать ее? Не знаю. Интуитивно понимаю – ночной мир живет своей жизнью, и любое вмешательство в нее неуместно.

Стараюсь не шуметь, поудобнее устраиваюсь между кочек и засыпаю.

...Проснулся, когда уже рассвело. Сразу взглянул в ту сторону, где купалась русалка, и увидел торчащую из воды корягу. Долго пытался разглядеть, что мне в ней показалось женской головой, торсом, волосами, и не мог.

...Поплавка одной из удочек на поверхности не было. Туго натянутая, чуть подрагивающая леска круто уходила в глубину.

Через минуту у моих ног в мокрой от росы траве лежал солидный сом – подарок за то, что я не нарушил ночную тишину и не вмешался в таинство ночи.

Это была демоверсия книги - Макаров Б.К. Золотые зимородки

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34